РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Евгения ЕВСТИГНЕЕВА
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, докторальная школа по политологии
Аспирант

В статье анализируются вопросы социализации, в том числе, приобщение индивида к определенному типу социальных практик, воспринимаемых окружением (обществом) и самим индивидом как религиозные. Основное внимание уделено условиям формирования религиозной идентификации молодежи. Автором также подчеркнута проблема влияния на религиозную социализацию таких явлений как кризис в экономике, кризис во внешней политике, и кризис социокультурный.

Ключевые слова: молодежь, социализация, религия, религиозная идентификация.

In the article analyzes the issues of socialization, including the initiation of an individual to a particular type of social practices, perceived environment (society) and by the individual as religious. Emphasis is placed on the conditions of formation of religious identity of youth. The author also highlighted the problem of the influence of the religious socialization of events such as the crisis in the economy, foreign policy crisis, and a social and cultural crisis.

Keywords: youth, socialization, religion, religious identification.

Вопросы социализации личности достаточно давно волнуют различных специалистов, оставаясь, одновременно, актуальными и в настоящее время. Сам по себе процесс социализации личности является сложным, поскольку в нем переплетаются как личные интересы субъекта социализации, так и деятельность социальных институтов, стремящихся включить его в сферу своего влияния, одновременно «навязывая» ему тот взгляд на мир, который соответствует особенностям социальных практик, формируемых данным институтом.

Религия, в указанном ряду, не является исключением. Не для кого не секрет, что основные религиозные конфессии, да и более мелкие религиозные организации различного толка, устанавливают правила «своей игры». И, поскольку, они обладают собственными интересами, то соответственно вынуждены формировать стратегии реализации их интересующих установок. Настоящим рассмотрим ситуацию вокруг религиозной социа-

лизации личности в целом, и молодежи, в частности, в современной Республике Молдове.

Анализ научной литературы показывает, что социализация личности в целом и молодежи, в частности, неотъемлима от формирования «идентичности» индивида. Это подтверждено психоаналитиком Э.Эриксоном, который изучая процесс «социализации», ввел в научный оборот понятие «идентичность», раскрыв при помощи данного понятия пятую стадию человеческого развития, – становление индивидуальности (идентификация) – ролевую диффузию. По его мнению, молодые люди взрослеют и им приходится выбирать свое место в жизни. [15, с.95], что по нашему мнению, не может не оказывать влияние в том числе, и на религиозную идентичность, тем более, если подобный выбор предопределен установками старшего поколения, окружающего молодого человека. Таким образом понятие идентификации, введенное в оборот Э.Эриксоном отражает позитивные механизмы, поскольку, способствуют формированию определенного поведения. Подобную теорию высказывал ученый Л.Сильверстайн, который идентификацией называет способ усвоения индивидом родительского поведения, установок и ценностей как своих собственных. Индивид воспринимает особенности личности родителей, а также других людей, с которыми тесно связан. Э.Эриксон понятие «идентичность» характеризовал как процесс «организации жизненного опыта в индивидуальное Я» [15, с.89].

Естественно - это предполагает его динамику на протяжении всей жизни человека. При рассмотрении вопроса социализации, мы не можем не коснуться такого аспекта, как адаптация, поскольку, по нашему мнению, он является еще одним составляющим звеном в нашей цепи под названием социализация, и играет не менее важную роль при формировании религиозного сознания. По мнению американского ученого, основной функцией личностной структуры является адаптация, процесс становления и развития идентичности, которая «оберегает целостность и индивидуальность опыта человека, дает ему возможность предвидеть как внутренние, так и внешние опасности и соразмерять свои способности с социальными возможностями, предоставляемыми обществом». Более того, «идентичность имеет определенную “организующую” функцию в развитии личности». В данном контексте, с целью более подробного рассмотрения, приведем и современное определение идентичности, которое гласит: идентичность (от лат. identicus – тождественный, одинаковый) есть осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей. Идентичность обусловливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта, подде-

ржанию собственной цельности и субъектности, в подверженном изменениям, внешнем мире [2, с.111].

Идентичность рассматривается как сложное, личностное образование, имеющее многоуровневую структуру. Это связано с тремя основными уровнями анализа человеческой природы:

1) на индивидуальном уровне идентичность определяется как результат осознания человеком собственной временной протяженности, представление о себе как о некоторой относительно неизменной данности, о человеке того или иного физического облика, темперамента, задатков, имеющем принадлежащее ему прошлое, устремленном в будущее;

2) на личностном уровне идентичность определяется как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, задающее некоторую тождественность самому себе [12, с.55];

3) на социальном уровне идентичность определяется как тот личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу Я-категоризации, то есть характеристикам, благодаря которым мы делим мир на похожих и непохожих на себя.

На основании концепции идентичности ученые В.С.Агеев и В.А.Ядов изложили представление о двух основных составляющих идентичности – персональной и социальной. Важно также отметить, что социальная идентичность зависит не только от межгрупповых различий, но также и от внутригрупповой гомогенности – группа должна не только отличаться от других групп, но и члены группы должны быть максимально сходны между собой. Противопоставляя личную и социальную идентичность, исследователи часто оставляют в тени тот факт, что индивид принадлежит не к какой-либо одной группе, а, как правило, к большому числу микро- и макрогрупп. Особенно близка данная концепция молодому поколению современной Республики Молдова, поскольку у них есть перспективы получения образования как внутри страны, так и за рубежом, такая же позиция присуща выбору места работы, и конечно же возможности выбора религиозной принадлежности. В силу этого возникает интерференция, взаимовлияние тех систем ценностей норм и стандартов поведения, которые приняты в этих группах. Более того, часто эти системы норм и ценностей в силу внешних обстоятельств приходят в противоречие друг с другом, и индивид оказывается перед внутренним выбором. Г.Тэджфел, приводит пример определения конкретного места в обществе, и равно принадлежности к той или иной религиозной организации служит процесс установления идентификации человека с группой, при помощи системы ориентаций [3, с.9]. По его мнению, индивид не только включает в свой Я-образ общие характеристики собственных групп членства, но и усваивает но-

рмы и стереотипы поведения, им свойственные, самоопределяясь как член некоторой социальной категории, идентичность включает представление о себе, о его определенном социальном статусе, национальности, вероисповедания, имеющего или не имеющего отношения к различным социальным организациям.

Процесс становления социальной идентичности завершается тем, что человек приписывает себе усвоенные нормы и стереотипы своих социальных групп, они становятся внутренними регуляторами его социального поведения. Человек начинает активно оценивать свою группу и сравнивать ее с некоторыми другими группами.

В системе идентичностей ситуативные (социальные, политические, международные) отличаются как от примордиальных (гендерных, расовых), так и от традиционных, долговременных (этнических, религиозных) идентичностей не только своей длительностью, но и механизмом формирования. Интерес ученых к «религиозной идентичности» обусловлен изменениями, произошедшими в жизни общества, государственной политике в области религии, вызвали лавинообразный рост интереса как молодежи, так и большей части общества к религии и оккультизму в различной степени и прогрессивности. Рассматривая классические источники 144 религиозных верований следует отметить: страх человека перед природными и социальными силами, господствующими над людьми; неуверенность в будущем, стремление защитить себя, своих родных и близких. Поскольку социум сегодня не предоставляет ощущение защищенности в полной мере, неудовлетворение социумом потребностей человека (эмоциональных, социальных или духовных), а также кризисные обстоятельства его личной жизни и многое другое [13, с.25].

Нельзя не отметить, что на религиозную социализацию существенное влияние оказывают кризис в экономике, кризис во внешней политике, и кризис социокультурный. Так, экономический кризис ослабляет действующую власть, повышает уровень недовольства населения, и на этом поле появляются новые религиозные организации. Во внешней политике наличие фактора внешнеполитического давления, также будут способствовать росту религиозных настроений. Экономические и внешнеполитические факторы кризиса подстегивают появление в социуме психологический комплексов, вызывающих всплеск социальной активности. Коллективные религиозные устремления различного направления делают общество, особенно наиболее уязвимые его части, подверженными воздействию религиозных идеологий. Этот фактор, по нашему мнению, является во многом определяющим, поскольку трансформирует мировоззрение индивида, в том числе и религиозное.

Полагаем целесообразным отметить, что религия – сложный социальный и культурно-исторический институт. При этом важным является то, что он включает в себя системы религиозного сознания (верований), религиозного культа (обрядов), религиозных организаций (учреждений) и выполняет в обществе ряд функций – смыслополагания, компенсаторную функцию социальной интеграции, коммуникации, социального контроля, мировоззренческую и др. [11, с.257-259]

Многообразие форм и масштабов проявления религиозности столь велико, что социологам предпочтительно рассматривать религию в качестве естественного проявления социальной жизни, а не патологического отклонения от ее законов. Религиозность в науке понимается как мировоззренческая ориентация индивида и группы, выражающаяся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений. Представляемая как определенная форма или степень религиозного сознания, опыта и поведения индивидов, внутри того или иного религиозного сообщества и подразумевает весь комплекс психологических переживаний, связанный с рациональным и иррациональным опытом постижения религии. Степень религиозности выражается в уровне интенсивности религиозных свойств индивида и группы. Формирование религиозной идентификации молодежи оказывается чрезвычайно важной как для определения эволюционного контекста исторических судеб общества, так и отражает острые процессы сакрализации и секуляризации в масштабе сохранения безопасности всего российского общества. В формировании религиозной идентичности немалую роль играет сила исторической инерции. К осознанному выбору представителей данной общности добавляются подсознательные инстинктивные установки, приводящие в действие механизм воспроизводства этноконфессиональных и религиозных традиций и предпочтений. В результате среди представителей каждой общности распространяются общие, подчас бессознательные стереотипы восприятия окружающей среды [13, с.36].

Пространство религии, согласно П.Бурдье, структурировано двумя основными формами взаимодействия – конкуренцией и сделкой. Если конкуренция характеризует отношения между производителями религиозности (в качестве символического продукта) – конфессиями и религиозными организациями, то сделка является продуктом консенсуса между производителями и потребителями религии. Таким образом, институт священства и их паства достигают договоренностей по вопросам получаемых благ. То есть, они договариваются относительно того, какие символические блага будут легитимироваться и абсолютизироваться в рамках конкретной формы производства религиозности. Случайно сформированный набор символических благ транслируется религиозными институтами как абсолютно верный и единственно возможный.

Сомнение в абсолютности этих благ ставит под вопрос существование самого религиозного института, поэтому не допускается путем выведения подобных вопросов (и людей, их задающих) за скобки. Но поскольку производящийся в рамках религии символический капитал нуждается в легитимации, то существует многообразие способов узаконивания и убеждения, варьирующихся в зависимости от целевой группы.

Соответственно изменение в социальной структуре общества и переориентация деятельности религиозных институтов на новые сегменты социального пространства вызывают изменение в способах легитимации символического капитала и в самом его содержании. Приобщение к определенным символическим благам, предлагаемым тем или иным сообществом, и является в интерпретации Бурдье процессом социализации. В результате чего, мы приходим к выводу, что в процессе социализации формируется не просто институциональное закрепление индивида, выражаемое в формальных признаках (униформа, соответствующие документы), но и происходит изменение в самоидентификации. Человек осознает себя представителем строго определенной социальной общности, в том числе, разделяя с ней совокупность выполняемых социальных практик. Так, вступая в ряды определенной религиозной организации субъект социализации получает не только документальную принадлежность, но и участвует в соответствующих практиках, которые могут иметь различную направленность, а именно, носить как ритуализированный, так и обыденный характер. В православии примером первого типа практик является участие в Крестном ходе, а примером второго типа – жертвование денег на храм или конкретному священнику.

На основании вышеизложенного, религиозная социализация - это приобщение индивида к определенному типу социальных практик, воспринимаемых окружением (обществом) и самим индивидом как религиозные. Кроме того, религиозная социализация является продуктом деятельности агентов социализации, из которых религиозные конфессии составляют лишь небольшую часть. Вместе с тем, деятельность конфессий зачастую имеет опосредованный характер – индивид начинает воспринимать себя в качестве элемента определенного религиозного сообщества в силу деятельности таких социальных институтов, как семья, образование или средства массовой информации. Таким образом, суть религиозной социализации раскрывается в трех основных аспектах: внутренняя самоидентификация, институциональное закрепление и погруженность в социальные практики, свойственные определенной религии. При этом разрыв между отдельными аспектами религиозной социализации, с одной стороны, нуждается в дополнительном социологическом исследовании, и с другой, выступает источником разногласий в определении численности верующих и

шире – степени религиозности общества. В качестве примера можно привести данные социологических опросов последних лет в Республике Молдова, которые демонстрируют резкий разрыв между теми личностями, которые относят себя к верующим, и теми, кто действительно выполняет обряды, предусмотренные избранной ими религией, включен в определенные социальные практики.

Молодежь сегодня является наиболее уязвимой и восприимчивой социальной группой, на которую активно влияют процессы, происходящие в современном обществе. В связи с тем, что Республика Молдова является поликультурным государством, вопрос о религиозной идентичности молодежи как фактора социализации носит весьма актуальный характер. Именно молодое поколение является будущим нашей страны.

В Республике Молдова в настоящее время происходят серьезные изменения условий формирования и соответственно социализации личности, наблюдаются сложные условия экономической и политической нестабильности, происходит ломка традиционных ценностей. Молодежь наименее экономически самостоятельна, наименее консолидирована, испытывает сильный прессинг со стороны различных политических, религиозных сил и движений, не обладает четкими социальными ориентирами, сама находится в ситуации жизненного самоопределения. В то же время только молодое поколение способно преодолеть идеологические и психологические стереотипы, сформировать новые системы ценностных ориентаций, создать идеалы гражданского общества будущего. Для этого у молодых людей есть все объективные предпосылки: творческий характер мышления и деятельности, высокая социальная и экономическая мобильность, психологическая гибкость, стремление к поискам ответов на смысловые жизненные вопросы, новаторские идеи, желание практически воплощать в жизнь систему новых ценностей, открытость к восприятию новых нетрадиционных массивов знания и т.п. В современных социологических словарях дается следующее определение молодежи – (от англ. youth) социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых [8, с.45]. Благодаря своему инновационному потенциалу она обновляет опыт предшествующих поколений, участвуя в совершенствовании и преобразовании общества. И наконец, каждое поколение призвано передать унаследованный и обновленный опыт последующим поколениям. Тем самым осуществляется развитие молодежи, а также обеспечивается сохранение целостности и воспроизводства общества. В зависимости от качества реализации этих функций молодежь является фактором как ускорения, так и торможения общественного развития. Особый интерес вызы-

вает промежуточность и неустойчивость социального статуса данной группы, что часто приводит к кризису идетичности [4].

Социокультурное становление молодежи в Республике Молдова осуществляется как в системе социальных институтов, так и под воздействием социальной среды. Одна из специфических особенностей молодежи заключается в накоплении социокультурного опыта в процессе социализации и социальной адаптации в условиях самостоятельной жизнедеятельности. Социализация для молодежи выступает как социально-обусловленный процесс, в ходе которого индивид усваивает нормы своей группы таким образом, что посредством формирования его собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности.

Г.Брим одним из первых высказал мысль о том, что социализация происходит в течение всей жизни. Он утверждал, что нравственное развитие того или иного индивида может задержаться на определенном этапе, но сам процесс социализации никогда не кончается, а наиболее интенсивно данный процесс осуществляется в детстве и молодости. Социологи определяют социализацию как процесс накопления людьми опыта и социальных установок, соответствующих их социальным ролям. Социализация не только дает возможность общаться между собой посредством освоенных социальных ролей. Она также обеспечивает сохранение общества. Хотя количество его членов постоянно меняется, так как люди рождаются и умирают, социализация способствует сохранению самого общества, прививая новым гражданам общепринятые идеалы, ценности, образцы поведения. Социализация дает возможность взаимодействовать и обеспечивать сохранение общества в ходе смены поколений [14, с.115].

Таким образом, изучение современной религиозной ситуации в Республике Молдова, и в особенности, включения молодежь в религиозное сообщество должно опираться на анализ соответствующих практик, сложившихся в иной диспозиции социального пространства, но оставшихся непреодоленными и в современной Республике Молдова. Нельзя забывать и о миграции мусульман в современную Республику Молдова, что так же вносит опосредованную «лепту» в процесс религиозной социализации личности, особенно среди молодого поколения граждан Республики Молдова. Эта тенденция менее ярко выражена в Приднестровье и Гагаузии, однако, количество мусульман и на этих территориях в последнее время постепенно увеличивается. Вместе с тем, в современном обществе стал очевидным характер происходящих процессов в межнациональных отношениях, на фоне чего резко возрастает роль традиционных этноконфессиональных (национальных и религиозных) идентичностей. Наблюдается двойственная тенденция: с одной стороны, активизируется процесс утрачивания религией своего социального влияния, а с другой – растет многообразие

форм религиозной жизни, сопровождаемое поисками нового смысла религии и стремление к достижению более глубокого сотрудничества и взаимопонимания между различными религиями, конфессиями и вероучениями.

Здесь необходимо отметить, что в контексте глобальных социокультурных преобразований не только общество изменяется под воздействием религии, но и сама религия трансформируется под влиянием социальных факторов. Она становится более лояльной к изменившимся условиям, идет на компромисс и приспособление, вносит коррективы в вероучение, социальные и этические доктрины, формы организации, методы деятельности современных религиозных образований [6, с.34].

Реальная жизнь высвечивает новые грани и аспекты старых проблем, порождает новые конфликты и противоречия, носящие как объективный, так и субъективный характер. В полной мере это касается и рассматриваемых вопросов, связанных с религиозной идентичностью. Подтверждают эту мысль многие социальные явления, процессы и проявления нетерпимости, носящие религиозный характер или, по крайней мере, религиозную окраску, привлекшие серьезное внимание в последнее время. Использование авторитета религии в целях политического экстремизма наблюдается не только в исламской среде, но и в других религиозных организациях. Религиозная идентичность может выбираться и конструироваться индивидами в зависимости от их опыта, диспозиций, ожиданий и интересов. Мотивы и поиски индивидов, влияющие на ослабление религиозных институтов, оказываются не менее значимыми, чем формы организации религиозных верований и практик. Религиозная идентичность играет роль, идентификационного и интегративного маркера, и выступает одним из важнейших факторов социализации современной молодежи.

Мы несомненно понимаем, что характерной чертой любой религии является самосознание вечности и неизменности, хотя в качестве социального института любой актор религиозного пространства является продуктом социально сформированных условий. Специфика религиозного пространства в современной Молдове является, во-первых, продуктом особенностей исторического развития в последние десятилетия, и во-вторых, отражает мировые тенденции изменения религиозного пространства. Исторический аспект возникновения современного религиозного пространства определяется наследием тех практик и способов взаимодействия агентов религиозного пространства, которые оказались сформированы в советском обществе, который оставил «отпечаток» в прошлом, и продолжает оказывать воздействие на социализацию личности в Республике Молдова, в настоящих условиях. Однако, нельзя не учитывать многообразие современных религиозных тенденций, имеющих место в Республике Молдова, в ча-

стности, и на всей территории Европейского союза, в целом. Определяя специфику религиозного пространства в Советском Союзе, следует исходить из двух основополагающих характеристик: классового деления того «бесклассового» общества, каковым мыслилось Советское государство, а также социальное распределение производства религиозности. Как показывает П.Бурдье, в ситуации кардинального изменения социальной структуры резко трансформируется и диспозиция символических благ в религиозном пространстве. Сама пролонгация прежней символической системы стала формой оппозиции, поскольку обозначала границы претензий коммунистической идеологии на абсолютность собственной мысли. Символическая борьба между формами политической идеологии выразилась в попытках дискредитации религиозной веры по критерию верифицируемости суждения (можно вспомнить, как активно провозглашалась «борьба с суевериями» и как противопоставлялся этим суевериям позитивистский идеал научного знания).

Антиномичность социального бытия, непреодолимая на уровне теории, достаточно легко снималась в повседневных практиках – ношение крестика под верхней одеждой и т.д. Религия оказалась направлена в большей степени на представителей старшего поколения, а передача религиозных практик оказалась продуктом внутрисемейных традиций, которые в отсутствии постоянной «сверки» с аутентичной традицией оказались профанированы. По словам Н.Митрохина, «поскольку власти в СССР уничтожили религиозную культуру основной части населения страны, и в первую очередь образованных слоев общества, знания бабушек по части обрядовой культуры (православной традиции) почти не имели альтернативы в 1950–1980-е гг. Что группа бабушек, передающая сакральное знание вновь инкорпорируемым членам, считала “православием”, то и воспринималось окружающими в качестве такового, хотя порой весьма сильно расходилось с базовыми положениями учения церкви (канонами)» [9, с.45]. Подобная претензия определенной социальной группы (в которой главным маркером социальной идентичности становится возраст – реальный или символический) была возможна только в условиях общества, предельно жестко обозначающего границы легитимного, то есть общественно признаваемого и одобряемого знания. Вместе с тем диспозиция распределения социального (в том числе и религиозного) знания кардинальным образом изменилась в тот момент, когда распался Советский Союз, унеся с собой, казалось бы, всю совокупность социальных практик, определявших специфику его существования. По словам Р.Лопаткина «на первых порах это было возрастание интереса к религии, к ее роли в истории, к полузабытым, казалось бы, народным традициям, праздникам и обрядам религиозного характера и происхождения: православным, мусульманским, даже языческим.

Оно еще не означало собственно обращения к вере, но уже выступало симптомом, с одной стороны, нарастающего кризиса официальной идеологии, а с другой стороны, свидетельствовало о наличии в обществе, по крайней мере у определенных слоев населения, религиозных потребностей, масштабы которых государственным и партийным руководством явно недооценивались или игнорировались» [7].

Итак, методы социализации зависят от того, какие именно качества личности ценятся выше, в разных культурах они могут быть очень разными. На поведение людей влияют не только нормы, но и культурные идеалы нашего общества, исторически сформировавшегося в Республике Молдова. Вместе с тем, такие идеалы продолжают формироваться на основе европейских ценностей, что приводит к отсутствию единообразия в поведении и, показывает, что по своей сущности социализация – двусторонний, разнонаправленный процесс. Происходит взаимовлияние между биологическими факторами и культурой, а также между теми, кто осуществляет социализацию и кто социализируется.

Религиозное пространство современной Республики Молдова может рассматриваться как постсоветское в силу двух обстоятельств, зашифрованных в самой приставке «пост-». Во-первых, религиозные практики, существующие в Молдове, во многом являются наследием советского периода, той диспозиции агентов, которая сложилась в условиях оттеснения традиционных конфессий на периферию социального пространства. Во-вторых, специфика актуализировавшихся с начала ‘90-х годов религиозных явлений может быть отчетливо прояснена не только по отношению к мировым тенденциям развития религиозной сферы, но и в связи с преодолением советского наследия, проявившемся в кардинальном изменении социальной структуры и вовлечению в сферу религиозной социализации новых сегментов социального пространства.

Углубленно рассматривая вопросы наследия советской эпохи, можно структурно обобщить, что в религиозном пространстве и механизмах социализации присутствует:

1) профанация религиозных практик;

2) смешение религиозной и других типов социализации;

3) практически полное отсутствие механизмов религиозной социализации молодежи. Профанация религиозных практик, а именно создание тех способов поведения (допустим, крещение бытовых предметов в православии), которые не предусмотрены догматической основой религии, а являются продуктом представлений населения о том, «как должно быть», может рассматриваться в различных исторических контекстах. С точки зрения религиозной элиты, состоящей из наиболее образованных представителей определенной конфессии, подобные «отклонения» демонстриру-

ют искажение истинной веры, причем истоки этого искажения видятся в воздействии других религиозных представлений, вплоть до язычества. Подобная точка зрения основана лишь на догматической стороне религии и мало учитывает практическую направленность религиозных действий, без которой распространение религиозности в обыденной сфере оказывается достижимо. А.Панченко, рассматривая феномен «народного православия», справедливо говорит, что "народная религия" оказывает чрезвычайно сильное влияние на "церковную традицию" и, по сути дела, определяет конкретные модели и механизмы религиозной культуры, существующей в данном обществе в данную эпоху… Представляет более уместным говорить не о церковном каноне и отступлениях от него, а о религиозных институциях и религиозных практиках, подразумевая, что последние представляют собой иначе организованную, более лабильную, но не менее важную сферу жизни общества» [10, с.67-68]. Достаточно вспомнить широко используемый, хотя и методологически устаревший термин «двоеверие», характеризующий особенности усвоения христианства в восточнославянских племенах. В рамках изучения диспозиции современного религиозного пространства представляется необходимым определить те особенности профанации религиозных практик, которые оказались обусловлены десятилетиями существования Советского Союза. Самой важной из таких особенностей оказалось резкое уменьшение специализированного слоя носителей религиозного знания (священников, мулл, раввинов), а также практически полное исчезновение образовательных институтов воспроизводства этого слоя. В связи с этим традиция воспроизводства религиозного знания на периферии, где процесс приглашения священников оказался максимально затруднен, претерпела значительные изменения. В отдаленных сельских населенных пунктах сложилась прослойка людей, претендующая на единоличное знание если не основных религиозных постулатов, то хотя бы так называемой «повседневной религиозности». Иначе говоря, «бабушки», не имея возможности (или желания) отличить веру от суеверий, стали считать признаками религиозности тот специфический комплекс верований и обычаев, который складывался в данной местности. Пока легитимности такого знания ничего не угрожало, никаких эксцессов процесс профанации не вызывал, но ситуация изменилась в тот момент, когда в начале '90-х гг. XX века возродившееся духовенство стало присылать своих членов для восстановления церквей и самой религии даже в отдаленные уголки страны. Однако именно начало нового периода способствовало зарождению новых, отвечающих современным реалиям, религиозным идеологиям. Также именно в этот период выделяются новые типы организации религиозных движений, способные эффективно мобилизовывать ресурсы

широких слоев населения, что не могло не повлиять на религиозную социализацию молодежи.

Этот процесс можно описать на примере Русской православной церкви, что объясняется наличием хотя бы каких-то сведений, почерпнутых в трудах исследователей и средствах массовой информации. Появление молодых (как правило) священнослужителей, обладавших профессиональными знаниями в сфере религиозной догматики, но не имевших практического опыта общения с паствой, стало явной угрозой, способной лишить «бабушек» функции духовного авторитета. Не удивительно поэтому, что результатом реинституализации религиозной сферы стало возникновение конфликтов, разрешавшихся двояким путем: либо молодые священники покорялись обстоятельствам и становились послушными учениками, во всем слушавшимися местных «бабушек», либо конфликт мог привести даже к изгнанию священника из прихода. Новой чертой постсоветского религиозного пространства стало появление новых групп населения, нуждающихся в активной религиозной социализации. На смену представителям старшего поколения, численность которых в составе прихожан традиционных конфессий в годы существования Советского Союза доходила до 75%, пришла молодежь. Поскольку количество традиционно верующих семей, в которых приобщение к религиозным нормам происходило в русле семейной традиции, составляло не очень значительную (хотя и очень важную в институциональном аспекте) долю населения, то ‘90-е гг. поставили ключевую задачу – поиск механизмов включения нового социально-возрастного слоя в религиозное пространство. В какой-то степени исторической аналогией этого времени явились ‘20-е гг. XX в., продемонстрировавшие возможность прихода к религии не в силу следования традиции, а в соответствии с собственными изменившимися убеждениями. К сожалению, краткий промежуток обновления религиозных связей и диспозиций религиозного пространства закончился уже через несколько лет, после чего возможность включения в религиозное пространство новых социальных сегментов оказалась законсервирована на несколько десятилетий. Итак, формирование постсоветстского религиозного пространства определило ситуацию, в которой традиционные конфессии оказались в равном положении с религиозными организациями сектантского толка. Успех в ‘90-е гг. в неопротестантских течений (например, мормонов) оказался обусловлен отработанными в западно-европейских условиях механизмами религиозной социализации – привлечения людей в религиозные организации, во-первых, способными удовлетворить духовные запросы «новых верующих», а во-вторых, предлагающими тот образ верующего, который оказался конкурентоспособнее, нежели у традиционных конфессий.

Как показывает практика, в современной Республике Молдове происходит перемешивание религиозной социализации с другими формами – политической, семейной и т.д. Молодежь оказывается в основной своей массе включена в сферу религиозных интересов в результате деятельности иных институтов, например, приобщаясь к традициям (действительно существовавшим или сконструированным в последние два десятилетия) своей семьи. Немалую роль в случае с деятельностью православной церкви играет и негласное одобрение православной веры, в современных реалиях, представителями официальных структур, видящими в ней основу государственной идеологии. Являясь еще одним следствием той диспозиции религиозного пространства, которое сложилось в советском обществе, данное обстоятельство заставляет внимательнее относиться к проявлениям религиозной и политической активности молодежи в современном обществе, поскольку параллелизм процессов социализации делает возможным возникновение различных форм политического экстремизма и религиозной нетерпимости.

Традиционно в большинстве исследований религиозная идентичность представляется как двухуровневый феномен, когда выделяются групповая (коллективная, социальная) и индивидуальная (личностная) идентичности верующего. Данные исследовательские тенденции сложились в результате того, что изучение феномена идентичности вообще и религиозной идентичности (идентичности верующего) в частности, проводилось в основном с позиций социально-психологического подхода к изучению человека.

В данном контексте мы отмечаем, что процессы качества жизни религиозных организаций, формируются за счет системного объединения интересов индивидуумов, объединенных в соответствующие команды, которые используютследующие основные характеристики:

а) мотив, стимул, побудитель к деятельности;

б) отношение индивидуума к самому себе;

в) побудительные мотивы религиозной деятельности.

Ключевые компетенции религиозных организации как собственные характеристики интересов индивидуумов представляют собой оригинальное, эффективное сочетание нематериальных активов индивидуумов команд качества, которые одни религиозные организация использует болееумело, чем другие.

И.Ялом было подчеркнуто, что «бытие человека можно условно представить в виде трех сфер: социальной сферы (сфера межгрупповых и межличностных отношений), сферы личности и сферы индивидуальности, которая включает мир внутренних глубинных переживаний. Именно из этого следует, что религиозная идентичность индивида содержит в себе

три взаимосвязанных уровня (социальная идентичность, личностная идентичность, субъектная идентичность). Доминирование культурно-традиционной составляющей в идентичности относится, главным образом, к религиям «традиционным» – тем, которые за несколько веков стали неотъемлемой частью культуры того или иного народа [5, с.18-19]. Культурно-традиционный аспект религиозной идентичности предстает в качестве маркера этнической или этноконфессиональной идентичности, а также играет важную роль в межкультурных коммуникациях.

Таким образом, социализация молодежи представляет собой процесс приобретения опыта социальных отношений и освоение новых социальных ролей, происходящий в сферах деятельности, общения и самопознания путем взаимодействия с окружающим миром. Религиозная идентичность зависит от политических, социальных, экономических, культурных и других условий которые предлагает сегодня современные условия жизни, в которых социализируется молодежь. Анализ отношений между внутренней динамикой веры, ролью внешних влияний, другими сферами построения идентичности очень важен. То, какой будет сегодня передача религиозной культуры не только через тексты, но и через взаимодействие людей, является главным условием воспроизводства религиозной традиции, религиозной инновации и создания религиозной группы молодежью «завтра». В более узком смысле, что «впитает» сегодня молодежь, зависит, какое будущее она обеспечит не только нашему государству, Республике Молдова, но и всему миру, завтра.

Библиография:

1. Амелькина А. 70% россиян называют себя православными. Но верующих с каждым годом становится меньше. // «Известия», 2004. 18 января.
2. Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. - Москва. Издательство: Социум. 2006.
3. Дробижева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности. // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. - Москва. Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 1994.
4. Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/16077770/ (Дата обращения: 15.11.2016).
5. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения. // Социологические исследования. – Москва. Наука. 1990. №4. с.95-103.

6. Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. - Москва. Наука. 2009. №4. с.96-107.
7. Лопаткин Р. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.religare.ru (Дата обращения: 29.10.2016).
8. Манько Ю.В., Оганян К.М. Социология молодежи. - Санкт-Петербург. Петрополис, 2008.
9. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. - Москва. Новое литературное обозрение, 2006.
10. Панченко А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. Фольклорное исследование. – Москва. ОГИ, 2002.
11. Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисные доклады Всероссийской научной конференции. Российская Академия Наук. Южный научный центр. Институт социально-экономических и гуманитарных исследований. / Ответственный редактор академик Г.Г.Матишов. - Ростов-на-Дону. Южный научный центр 2008.
12. Рикер П. Повествовательная идентичность. // П. Рикер. Герменевтика, этика, политика. - Москва. KAMI, 1995.
13. Рыжова С.В. Русское самосознание и этничность в православном дискурсе 90-х гг.: толерантность и экстремизм. // Религия и идентичность в России. / Ответственный редактор и составитель Степанянц М.Т. - Москва. Восточная литература. 2003.
14. Смелзер Н. Социология. Перевод с английского. / Научный редактор профессор В.А.Ядов. - Москва. Феникс. 2008.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Перевод с английского. / Под редакцией А.В.Толстых. - Москва. «Прогресс». 2003.
16. Единое окно доступа к образовательным ресурсам [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://window.edu.ru. (Дата обращения: 19.09.2016).
17. Журнал «Социологические исследования» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/socis/ (Дата обращения: 15.10.2016).
18. Социо. // Логос: альманах по социологии и философии [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sociologos.net (Дата обращения: 15.10.2016).

5.11.2017